

Тесля Андрей Александрович,
к.ф.н., доц. каф. «Философии и культурологии» ТОГУ
г. Хабаровск

ПРЕДЫСТОРИЯ ИЗДАНИЯ ЖУРНАЛА «РУССКАЯ БЕСЕДА» (1855 – 1856 гг.)

Исследования в области истории русской философии получили в последние двадцать лет существенное развитие; этому способствовало и снятие прежних идеологических запретов, и расширение методологических горизонтов. Актуальным, однако, на наш взгляд, является детальное документальное изучение истории отечественной философии – масштабные обобщения могут быть прочными только опираясь на фактуальную историю. В частности, история славянофильских изданий по прежнему остается недостаточно разработанной темой – на данный момент большая часть исследований в этой области принадлежит Т.Ф. Пирожковой [см.: 1] и основанной ею научной школе. Опираясь на достигнутые предшествующими исследователями результаты, мы рассмотрим один сравнительно небольшой сюжет – предысторию издания журнала «Русская Беседа» (1856 – 1860 гг.).

Последние годы Николаевского царствования являются наиболее тяжелыми для славянофильского кружка – арест в 1847 г. Ф.В. Чижова, в 1849 – Ю.Ф. Самарина и И.С. Аксакова демонстрирует рост опасения императорского правительства и служит своего рода предупреждением славянофилам. Каждый раз арест заканчивается относительно благополучно, иногда вызывая даже нечто вроде радостных ожиданий наконец-то достигнутого взаимопонимания с правительством, и вслед за этим принимаются очередные административно-полицейские решения (напр., усиление надзора или ограничения по службе). Кризис в отношениях правительства и славянофилов наступает в 1852 – 1853 гг., когда второй том «Московского Сборника», выпускаемый под редакцией И.С. Аксакова на средства А.И. Кошелева, запрещается цензурой и одновременно с этим принимается решение о подчинении ведущих публицистов славянофильства особому цензурному порядку. Если цензурный гнет последних лет николаевского правления (т.н. «мрачного семилетия») был тяжел для представителей всех направлений русской мысли, то на славянофилов был наложен фактический запрет на печатание [2, 286]. Возможность изменения положения возникла только с началом нового царствования. Хотя никаких законодательных мер по ослаблению цензурного режима не последовало вплоть до 60-х годов, уже первые месяцы ознаменовались расширением печатных свобод. И славянофилы, и круг либеральной, западной университетской профессуры (объединяющийся вокруг М.Н. Каткова, заслужившего репутацию умелого и деятельного редактора за время заведывания университетскими «Московскими Ведомостями») почти одновременно приступили к обсуждению возможностей издания журналов, могущих служить выразителями соответствующих направлений.

Обсуждение возможностей издания журнала началось среди славянофилов еще при жизни Николая I, в январе месяце. Тогда М.П. Погодин предложил славянофилам принять участие в издаваемом им «Москвитянин». Предложение это со стороны Михаила Петровича было вынужденное – «Москвитянин», несколько обновленный «молодой редакцией», после ее распада влачил жалкое существование. Выход номеров сильно запаздывал, а само их содержание носило явно случайный характер. Если в 1848 г. А.С. Хомяков (в письме к графине А.Д. Блудовой от 26 ноября) характеризовал журнал как «никем не читаемый» [3, 390], то с тех пор ситуация только ухудшилась, а своему издателю журнал приносил ощутимый убыток. Первоначально Погодин обратился к А.С. Хомякову и И.В. Киреевскому, однако те, согласно дневниковой записи М.П. Погодина от 20 января, «не слишком охотно желают помочь “Москвитянину”» [4, 244]. 27 января Погодин с той же целью беседовал с А.И. Кошелевым, однако и здесь не встретил энтузиазма [4, 244]. Причина такого равнодушия вполне понятна: во-первых, славянофилы в январе 1855 г. не могли рассчитывать на отмену тяготевшего над ними цензурного запрещения по всеподданнейшему докладу от 3 марта 1853 г., передававшего статьи основных славянофильских авторов (И. и К.С. Аксаковых, А.С. Хомякова, И.В. Киреевского и кн. В.А. Черкасского) на рассмотрение главного управления цензуры. Во-вторых, опыт сотрудничества с М.П. Погодиным не располагал к совместным проектам; помимо прочего, Погодин стремился получить некоторую денежную и отчасти литературную поддержку своего издания, не намереваясь изменять ни его содержания, ни направления. В такой ситуации для славянофилов предложение Погодина не представляло существенного интереса.

Смерть Николая I и начало нового царствования не дают первоначально оснований ожидать существенной смены правительственного курса. Однако некоторые послабления или отмена персональных запрещений представляются возможными – и Хомяков весной 1855 г. уже предпринимает некоторые действия, направленные к преодолению цензурных запретов. В письме к К.С. Аксакову от 12 марта он сообщает о полученных им приглашениях из Петербурга, истолковывая это как знак некоторой благосклонности (в сравнении с прежним отношением) и предлагает вновь попытаться получить цензурное разрешение: «очень будет хорошо кому-нибудь из нас попробовать броды цензурные и, кажется, вы всех готовее на такую попытку. Не знаю, говорил ли Иван Сергеевич, что я советую вам попробовать отвечать Соловьеву на его нападение по вопросу о родовом быте. Дело само по себе удобное и невинное и к цензуре способное; да сверх того вы, разумеется, должны сказать, что первая статья напечатана *там-то*: тут еще будет заключаться опыт, попустят ли в цензуре имя оподозренного издания. Все это не бесполезно, а между тем безопасно» [3, 350]. В том же письме Хомяков сетует на отказ И.С. Аксакова поехать в Петербург, полагая, что тот упускает возможность воспользоваться ожидаемыми переменами в министерствах, «да и доброе слово, сказанное во время, может быть очень полезно» [3, 350].

В мае месяце в Петербург приезжает А.И. Кошелев, где встречается с министром просвещения А.С. Норовым. Последний в разговоре упрекнул москвичей «в литературном бездействии» [4, 313]. Пользуясь случаем, Хомяков предпринимает попытку, аналогичную рекомендованной им К.С. Аксакову, обращаясь с прошением к министру просвещения А.С. Норову (прошение датировано 14-м числом). Указывая на невозможность установленного для славянофилов цензурного порядка, приводящего, например, к полутора-летнему рассмотрению санскрито-славянского лексикона слов и корней, Хомяков далее переводит прошение в личный план, обращаясь к Норову как к коллеге по литературным занятиям: «Вашему в[высоко]превосходительству, немало трудившемуся на поприще словесности, более чем кому-либо иному, известно, что почти никакой серьезный труд в области науки не выходил в печати в том виде, в котором он вышел из-под пера сочинителя: множество перемен и поправок вводится в текст во время цензурирования и печатания. Для меня такие поправки невозможны. Я вижу некоторые ошибки и пропуски свои по корректурному листку, который был мне сообщен из Петербурга, хотел бы исправить и пополнить и должен согласиться на издание ошибочное и неполное, которым сам недоволен, потому только, что иначе и совсем не увижу своего труда в печати; а полагаю, что этот труд не бесполезен. Наконец, ни возражать ни отвечать критике я не могу. Одним словом, мы осуждены на полное бездействие в мире науки и словесности» [5, 223 – 224].

Цензурный запрет тем более возмущает славянофилов, что воспринимается ими не только как совершенно незаслуженный, но и вредный для самой власти, чьим «независимым союзником», по более позднему выражению Ю.Ф. Самарина, они являются [6, 135 – письмо Ю.Ф. Самарина министру просвещения А.В. Головину по поводу прекращения «Дня» в июне 1862 г.]. А.С. Норову Хомяков пишет, что подписка, «кажется, было единственно последствием недоразумений» [5, 224]. О том же менее сдерживая эмоции он писал двумя месяцами ранее К.С. Аксакову, вновь изливая ему общее недоумение и раздражение (а возможно рассчитывая и на «третьего», непрошенного читателя письма – надзор за славянофилами был давний и общеизвестный) : «Смешно подумать, что мы ищем восстановления прав, которых лишены вследствие бестолкового подозрения. Это подозрение напоминает мне барина, который во сне руку отлежал, да случайно спросонок, ощутив ее другою, закричал караул. Своей руки не узнал! Насилу догадался; догадаются ли у нас?» [3, 350]. Тем не менее майское прошение Хомякова не получило удовлетворения – главное управление цензуры вынесло определение 17 июня 1855 г.: «Отказать и не уведомлять об отказе» [5, 224].

Поскольку у славянофилов по мере либерализации режима появляются надежды если не сразу, то в обозримой перспективе добиться отмены цензурного запрета, активизируются переговоры с Погодиным. Основным переговорщиком от славянофилов выступает А.И. Кошелев (в 1852 г. он же выступил издателем «Московских сборников»; редактором был И.С. Аксаков). 6 мая Погодин записывает в дневник: «Вечер у Кошелева, который хочет снять журнал. Рад бы» [4, 244]. По результатам этой беседы Кошелев пишет

Погодину: «В прошедший раз, как вы у меня были, я не имел возможности переговорить о разных вещах, о которых мне хотелось обстоятельно потолковать: был болен, расстроен нервами, а в такие минуты лучше и не начинать дельного разговора. Теперь мне лучше, но я не выезжаю, нельзя ли вам побывать у меня сегодня или завтра. Мне хотелось с вами потолковать о “Москвитянин” и о движении в пользу народности. Как запрещение, вероятно, снимется с общих друзей наших, то нам хочется попытаться завести журнал. К чему заводить новый, когда вы желаете передать вами издаваемый журнал. К тому же стремление у нас общее; следовательно, мы можем соединенными силами трудиться в одном журнале. Второй предмет есть движение в пользу возвращения Русскому языку полного господства в общественном и семейном быту. Также толки в пользу Русского платья, многих Русских обычаев и пр. теперь, кажется, весьма своевременны и уместны. Об этом предмете нам необходимо потолковать и условиться. Можно действовать и через печать, и через рукописи [7]. Подумайте об этих двух предметах и побывайте у меня. Откладывать в длинный ящик нельзя, ибо Самарин уезжает на днях и я, как выздоровлею, то также отправлюсь» [4, 244 – 245]. По получении данного письма Погодин вновь едет к Кошелеву, однако результаты разговора не удовлетворяют его: «Толкует все не так, как следует» [4, 245].

Раздражение Погодина вполне понятно – его интересует материальная поддержка издания и некоторое участие славянофилов статьями. Напротив, славянофилы стремятся получить *собственный* журнал; единственное, что привлекает их в «Москвитянин» – возможность избежать долгой процедуры получения разрешения на издание журнала, оформив переход редакции. Переговоры возобновятся еще раз в августе того же года – тогда Погодин попробует договориться с Самарина, однако и тот не изъявит желания финансировать журнал на условиях Погодина (в дневнике последний запишет: «кажется, все ужасные скряги» [4, 245, запись от 13 августа]).

Идеей самостоятельного славянофильского журнала, по крайней мере с весны 1855 г. одушевлен Хомяков, пытаясь преодолеть резонный скептицизм друзей. И.С. Аксаков, в частности, пишет родным, что встречался 7 апреля с Хомяковым, «который говорил о необходимости деятельности литературной и издания журнала и т.п. Хотя я и полагаю, что теперь еще не веря думать о журнале, но Хомяков предлагает Константину приехать потолковать о сем предмете» [8, 114]. Настоятельность журнала остро ощущалась Хомяковым – в наступающей атмосфере нового царствования необходимо было успеть заявить о себе, не дать иным направлениям общественной мысли монополизировать публичное пространство. К.С. Аксакову он писал: «Верьте мне, все, что мы сделали для пробуждения общественного сна, весь наш протест или забудется, или же забыт. Если мы теперь не выступим с силою, наш нравственный авторитет (хоть и небольшой, но все-таки уже приобретенный) пропадет в миг» [3, 351]. Однако Хомяков, человек порывистый и страстный, к лету уже испытывает значительные сомнения в осуществимости журнала. В письме к А.Н. Попову, относящемуся к этому времени, Хомяков сообщает: «Я у Кошелева провел три дня очень хорошо и весело; но о журнале почти

речи не было, да и быть не могло. Запрета с нас снимать и не думают; а без этого как же приступить? От Норова ни слова, так же как и от Блудовых, хотя я к ним писал» [3, 224].

В июле месяце А.И. Кошелев все еще надеется достигнуть соглашения с Погодиным и вызывает Хомякова в Москву к середине августа, надеясь там же встретить и Самарина, дабы обсудить планы по изданию журнала [Кошелев – Погодину, 5 августа 1855: 4, 313 – 314]. Хомяков пишет А.Н. Попову в Петербург: «Кошелев воспламенился и повел дело решительно. Берет «Москвитянина», которого название хочет переменить и делает клич. Я еду дня на два к нему. Славный человек! Таких деятельных людей нам очень нужно, а мы немножко вяленьки. При свидании расскажу, что у нас в Москве было положено. От Норова об нас ни слова» [3, 225]. Самому Кошелеву в то же время Хомяков пишет, обещаясь быть в Москве к 10-му, крайнее – к 12-му августа: «Решительно действуешь ты, любезный Кошелев, и может быть так и лучше. Молодцы Западные, не дремлют; дремать не следует и нам. Но какова слепота! А едва ли нас допустят к соучастию в журнале. Впрочем знай, что все, что ты по этому делу делаешь, мною наперед уже подписано и об моем согласии не беспокойся» [3, 146].

Надежды Кошелева на благоприятное решение министерства просвещения поддерживаются полученным Катковым разрешением на издание «Русского Вестника» [3, 225]. Одновременно Кошелев пытается воздействовать и на Погодина: «Считаю долгом нашим непременно *теперь* основать в Москве сильную оборону и живое наступление в пользу начал Православия и Народности [9], нами исповедуемых, без чего цивилизация “Русского Летописца” [10] захватит все и сделаются Катков, Грановский и комп. представителями Москвы. Время таково, что надобно не говорить, не рассуждать, а решаться и издавать или участвовать в издании вашего “Москвитянина”. – Ваш “Москвитянин” слишком упал, чтоб возможно было ему подняться скоро в общем мнении без какого-нибудь чрезвычайного, громко возвещенного преобразования. Особенно истекшее полугодие утомило всех. Никто его *даром* читать не хочет. Нужно его освободить от многого и прибавить ему очень многое» [4, 313 – 314].

Как уже отмечалось, достигнуть соглашения с Погодиным не удалось – визит к Самарину 13 августа разочаровал Погодина, а 15 августа, когда славянофильский кружок собрался для обсуждения журнальных планов, владелец «Москвитянина» не был приглашен. Узнав о собрании славянофилов от Гилярова-Платонова, навестившего Погодина тем же вечером, он «взбесился и думал, как отделать их завтра за нелепость такого образа действий» [дневниковая запись от 15 августа: 4, 314]. Разговор состоялся и под 16-17 августа Погодин записал: «Прорвался чирей, и я выбросил всю дрянь о журнале Кошелеву. Он принял хорошо и согласился в истине моих неудовольствий. Думал, как повести журнал своими средствами, не касаясь их, и отказался от предложенных ими двух тысяч. Нет, лучше вытягивать лямку видно одному! Бог с ними! Решился положить капитал в “Москвитянин”» [4, 246].

На августовской встрече славянофилами было принято решение издавать журнал самостоятельно; редактором, по предложению И.В. Киреевского [4, 317], был избран Т.И. Филиппов – старший учитель словесности в Первой гимназии. Выбор был удобен по ряду причин: Филиппов принадлежал к «молодой редакции “Москвитянина”», с некоторыми представителями которой (в первую очередь с А.Н. Островским и Ап. Григорьевым, чей критический талант они ценили) славянофилы надеялись наладить сотрудничество [4, 366 – 368]; не принадлежал к славянофильскому кружку и, следовательно, лично не мог быть подозрителен правительству. Весьма полезным, как показал дальнейший ход событий, оказалось и благорасположение к Т.И. Филиппову попечителя Московского учебного округа В.И. Назимова [11, 62].

До подачи официального прошения, стремясь обеспечить ему благоприятный прием, А.И. Кошелев обращается 5 сентября к А.С. Норову с личным письмом: «В бытность мою в С-Петербурге, в мае нынешнего года, вы упрекали Москвичей в литературном бездействии. Слова ваши были для нас всех крайне ободрительными, и, на первый раз, мы решились издавать трехмесячный журнал, под заглавием: “Русская Беседа”. Г. Филиппов, молодой человек, деятельный, с хорошими дарованиями и с прекрасными правилами и религиозными убеждениями, взялся быть редактором. Смее покорнейше просить вас принять его и наш журнал под свое покровительство и даровать нам просимое разрешение. Программа, нами представленная, содержит искреннее выражение наших убеждений, и заслужит, думаю, полное ваше одобрение» [4, 317].

23 сентября А.И. Кошелев и Т.И. Филиппов (в качестве издателя и редактора журнала, соответственно) входят в Московский цензурный комитет с прошением о дозволении им с будущего 1856 года издавать в Москве журнал под заглавием «Русская Беседа». Московский цензурный комитет препроводил дело в Петербург, причем Назимов, дав официальное положительное заключение, одновременно отправил и личное письмо к товарищу министру народного просвещения кн. П.А. Вяземскому (в это время замещавшего министра), в котором писал [12]: «Независимо от официального моего ходатайства, позвольте мне, ваше сиятельство, в настоящем письме, обратить ваше внимание на те причины, которые убеждают меня в полезности предполагаемого издания и вместе с тем покорнейше просить вас подкрепить мое ходатайство вашим просвещенным содействием. Москва, где в звании издателей журнала когда-то действовали благороднейшие представители Русского слова: Карамзин и Жуковский, где в том же звании с пользою трудились Каченовский, Полевой, Надеждин [13] и многие другие, где возникли и развились большая часть наших талантов, – в настоящее время, лишена всякой литературной деятельности и почти не имеет журнала, в котором Московские ученые и литераторы могли бы размениваться своими мыслями и высказывать свои убеждения в пользу Русского Просвещения. Я считаю излишним входить здесь в рассмотрение причин такого упадка отечественной Словесности в городе, где она преимущественно процветала в прежнее время. Но, конечно, все истинно любящие Русское Просвещение пожелают, чтобы наша Сло-

весность выведена была из этого усыпления. Основание журнала в Москве, в духе Русском, могло бы отчасти послужить к достижению этой благой цели и принести существенную пользу нашей Словесности. По долгу звания моего, я считаю себя обязанным поддерживать все благонамеренные начинания в этом роде, особенно когда за них берутся люди, как гг. Кошелев и Филиппов, по своим нравственным свойствам и положению в обществе, вполне заслуживающие доверия правительства. Поступившее уже в Министерство Народного Просвещения прошение коллежского советника Каткова об издании в Москве журнала, по моему мнению, не должно служить препятствием к другим предприятиям подобного рода. Я даже думаю, что совместное издание двух и более журналов могло бы скорее содействовать к пробуждению полезной литературной деятельности в Москве. Вашему сиятельству, более нежели кому-нибудь, дороги успехи отечественной Словесности, а потому я убежден, что Московские ученые и литераторы найдут в вас, как находили и прежде, живое сочувствие и полное содействие к приведению в исполнение их похвального предприятия. Мне остается присовокупить, что г. министр Народного Просвещения, предупрежденный об этом деле, сколько мне известно, вполне ему благоприятствует» [4, 320 - 321].

В Петербург ходатайствовать за журнал был отправлен Т.И. Филиппов. В его же пользу хлопотал перед Вяземским и П.А. Плетнев [письмо от 28 сентября: 4, 322 – 323]. Однако и эти усилия не помогли; Вяземский предпочел отделаться формальным решением и 29 сентября наложил на прошение резолюцию, отложив дело до возвращения министра [4, 323; 14, 392, прим. 2] (что не помешало ему одновременно с этим хлопотать, отчасти по просьбе Блудова, о дозволении на издание журнала М.Н. Каткову [4, 274 – 277]). Вернувшийся из Москвы Норов в начале ноября ответил решительным отказом: «Я не считаю удобным полагать на обсуждение Главного Управления Цензуры дело о дозволении гг. Кошелеву и Филиппову издавать в Москве журнал, под заглавием “Русская Беседа”... Отказ мой обосновывается на объявленном вашему превосходительству, от 20 июля 1852 г., высочайшем повелении, чтобы на представленные к одобрению, для издания в свет, сочинения в духе Славянофилов, было обращено, со стороны. Цензуры, особенное и строжайшее внимание. В собственном тогда же вашему превосходительству списке лиц, принадлежащих к обществу Славянофилов, находился и отставной надворный советник Александр Иванович Кошелев. Если в Бозе почивающему государю императору благоугодно было обратить особенное и строжайшее внимание Цензуры на отдельные сочинения, написанные в духе Славянофилов, то ваше превосходительство, конечно, согласитесь, что было бы не только опасно, но и противно высочайшей воле, верить члену общества Славянофилов, состоящему под строгим надзором правительства, редакцию журнала, в котором выбор статей зависел бы от его собственного образа мыслей» [4, 323 - 324]. Назимов, однако, продолжал настаивать на разрешении славянофилам издавать журнал, отправив пространное послание – объемом с журнальную статью – в которой старался доказать необходимость по-

ложительного решения [15; 16]. Одновременно с этим в Петербург поехал лично хлопотать о журнале сам предполагаемый издатель – А.И. Кошелев.

Задействованные связи произвели надлежащий эффект – 6 декабря 1855 г. А.С. Норов обратился к начальнику III Отделения графу А.Ф. Орлову с запросом: «Г[осподин] генерал-адъютант Дубельт сообщил предместнику моему, князю Ширинскому-Шихматову, высочайшее повеление, чтобы на представляемые к изданию в свет сочинения в духе Славянофилов было обращено со стороны Цензуры особенное и строгое внимание. К сему отношению приложен был список лиц, принадлежавших к обществу Славянофилов в Москве; в списке этом, между прочим, значится Кошелев, Александр Иванович, отставной надворный советник. Ныне Московский Цензурный Комитет ходатайствует о дозволении надворному советнику Кошелеву и старшему учителю 1-й Московской Гимназии титулярному советнику Тертию Ивановичу Филиппову издавать в Москве журнал, под заглавием “Русская Беседа”. Комитет, со своей стороны, находит это предприятие весьма полезным и присовокупляет, что Кошелев, как богатый и вместе весьма просвещенный помещик, известен давно своими нравственными качествами и умственными способностями; а Филиппов заслуживает вполне внимания и одобрения начальства, как способный и благонамеренный человек. За имеющимися во вверенном мне Министерстве вышепрописанными сведениями, я не могу до получения от вашего сиятельства тех сведений, которыми угодно будет вам почтить меня, дать какое-либо разрешение по сему предмету» [4, 337]. Через четыре дня граф Орлов отвечал: «Я отношение вашего превосходительства всеподданнейше представил на усмотрение государя императора и его величество высочайше соизволил разрешить издание означенного журнала, с тем, однако, чтобы статьи, которые будут представляемы, для помещения в оном лицами, на коих уже обращено внимание правительства, рассматриваемы были, подобно сочинениям Аксаковых, в Главном Управлении Цензуры; здесь же, дабы не задерживать таковых статей, подвергать оные рассмотрению без малейшего замедления» [4, 337 – 338].

Разрешение подобного рода, однако, совершенно не могло устроить славянофилов – поскольку при действующем особом в их отношении цензурном порядке журнал не мог бы издаваться. Необходимо было добиться отмены ограничений, наложенных по всеподданнейшему докладу 3 марта. В этих целях Кошелев с весны 1855 г. понуждает Хомякова к поездке в Петербург, понимая, что снятия цензурного запрещения можно добиться только посредством личных связей (заочно поданные прошения будут рассмотрены подобно их предшественникам общим бюрократическим порядком – и, соответственно, отвергнуты). Осенью 1855 г. Хомяков пишет Кошелеву, отводя его уговоры отправиться в Петербург: «...Я не вижу, зачем... и мне-то ехать? Что я буду делать? Или, лучше сказать (потому что делать кое-что можно), о чем я буду просить? Снова о разрешении печатать? Да ведь раз уже прошено [17]: вторичная просьба несколько унижительна и едва ли полезна: N [т.е. Норов – А.Т.] или прямо упрется, или, что еще вероятнее, отзовется, что запрещение шло не от него, и, следовательно, решать он до приезда Государева

[18] ничего не может. Узкий лоб этого сановника очевидно туго набит каким-то глупым предубеждением или может быть страхом перед Д[убельтом]. [...] Скажи, что же я сделаю в Питере? Дать, скажешь ты, ход общественному влиянию? Прекрасно. Но это влияние как соломенный пыл, яркое да короткое. Будь Царь в Питере, можно бы железо разогреть, да и на наковальню; а то разогреешь, да оно пять раз успеет простыть до царского приезда, а заметишь, что решение нашего дела непременно отложат до этого времени» [3, 147]. Тем не менее и по возвращении императора в Петербург Хомяков не сразу смог поехать в столицу, вынужденный оправдываться перед Кошелевым в промедлении, вызванном болезнью детей [3, 149].

Хомяков по существу, однако, оказался прав, говоря Кошелеву, что добиться отмены доклада 3 марта 1853 г. возможно только через связи с высшим придворным кругом – получив высочайшее согласие, тогда как переговоры и уговоры в министерстве просвещения ни к чему не приведут. Наконец добравшись до Петербурга в январе 1856 г., он сумел произвести эффект (хотя и не совсем, вероятно, тот, на который рассчитывал Кошелев). Большое участие в успехе славянофильского прошения оказала графиня А.Д. Блудова [19], в салоне отца которой (в этот момент начальника II Отделения) Хомяков получил возможность встретиться с влиятельными лицами и познакомить высшее общество со своими взглядами. Впечатление было ярким – императрица Мария Александровна [20] пожелала видеть Хомякова, о чем последний писал Ю.Ф. Самарину: «Между прочим, я получил почти официальное дозволение явиться ко Двору в своем средневековом платье» [3, 54 (вторая пагинация)]. Представление, однако, не состоялось, причиной чего явился тот же вопрос о платье. П.И. Бартенев так рассказывал о несостоявшейся аудиенции: «В эту поездку Хомякова в Петербург, императрица Мария Александровна пожелала его видеть. Он, как известно, ходил в Русском платье, в то время опальном и для многих представителей высшего общества отвратительном. В тогдашней Французской газете “Le Nord” [21] была даже статья из Петербурга, в которой описывался Хомяков, показавшийся в поддевке в Петербургских гостиных. Приехать в таком наряде образованному человеку во Дворец считалось невозможным, и Хомяков на этот случай заказал себе иноземное платье. Кажется, даже и день представления был назначен; но случилось вот какое обстоятельство. У графа Блудова встретил его граф Киселев, и, разумеется, за словом Алексей Степанович в карман не лез. Потом граф Киселев был у государя и мимоходом выразил удивление, каких людей принимает у себя старик Блудов, причем комически описал, в каком платье и какого гостя там он встретил. Немедленно выражена была воля, вследствие которой представление не состоялось» [3, 228, прим. 1].

Главная цель поездки, тем не менее, была достигнута – 27 января последовало высочайшее соизволение на то, чтобы сочинения славянофилов рассматривались обычным цензурным порядком. 3 февраля министр просвещения направил два извещения: первым, адресованным помощнику попечителя Московского учебного округа [22], сообщалось: «...Его императорское величество высочайше соизволил разрешить надворному советнику Кошеле-

ву и титулярному советнику Филиппову издание журнала под заглавием «Русская Беседа»». Во втором письме, направленном московскому генерал-губернатору графу Закревскому, Норов писал: ««Государь император высочайше повелел соизволить предоставить Ивану и Константину Аксаковым, Хомякову, Киреевскому и князю Черкасскому вносить свои сочинения *общим порядком в Цензурные Комитеты*» [4, 338].

Кошелев, торопившийся приступить к изданию, не согласился со мнением Ю.Ф. Самарина, предлагавшего начать журнал с января следующего года, к тому времени подготовив редакционный портфель, незамедлительно опубликовал объявление о новом издании. Первая книжка журнала получила цензурное дозволение уже 25 апреля. Столь быстрая подготовка издания и уверенный выпуск первых книг – также заслуга Кошелева и отчасти Филиппова, еще осенью 1855 г. начавших активный поиск возможных сотрудников журнала [4, 321 – 322].

История подготовки и получения цензурного разрешения на издание первого (и в строгом смысле – единственного) славянофильского журнала позволяет сделать следующие выводы. Во-первых, инициатором издания журнала был Хомяков, весной 1855 г. активно убеждавший других участников славянофильского кружка в необходимости собственного издания. Во-вторых, решающую роль в издании журнала сыграл Кошелев, одновременно ведший переговоры о переходе в руки славянофилов редакции «Москвитянина» и получении разрешения на издание собственного журнала. Несговорчивость Погодина и одновременные подвижки в правительственной политике сделали первый вариант недостаточно интересным для славянофилов и с середины августа 1855 г. их усилия направлены на организацию нового журнала (данному решению благоприятствовало и нежелание нести репутационные издержки старого погодинского издания). В-третьих, существенной на этапе получения министерского разрешения оказалась поддержка попечителя московского учебного округа Назимова – несмотря на скепсис Хомякова, он действительно активно выступил в защиту славянофилов, используя как официальные, так и неофициальные связи. В-четвертых, руководство министерства просвещения не было заинтересовано в появлении славянофильского журнала – активно поддержав инициативу М.Н. Каткова, оно ограничивалось официальными действиями и отказывалось принять на себя инициативу по пересмотру ранее наложенных на славянофилов ограничений (тем самым делая фактически невозможным их литературную деятельность). Следует отметить, что меры против славянофилов не носили личного характера – заявленное в программе «Русского Вестника» участие С.Т., К.С. и И.С. Аксакова не встретило возражений; запрет был направлен против появления журнала, способного служить выразителем взглядов славянофилов как цельного направления. Обращения Назимова, петербургские визиты Кошелева и в особенности Хомякова, сумевшего задействовать свои светские связи и произвести яркое, хотя и более чем неоднозначное впечатление [23, 56], позволили до некоторой степени развеять предубеждение правительства против славя-

нофилов. Примером последнего могут служить слова Норова, сообщаемые Кошелевым в «Записках»: «Министр народного просвещения А.С. Норов после выхода нескольких книг “Р[усской] беседы” встретил меня в Петербурге следующими словами: “Ничего; продолжайте, как начали, и вы будете иметь во мне верного защитника. Признаться: я вас шибко боялся – думал, что вы занесетесь Бог весть куда. Нет – ничего. Вас ругают только журналы и газеты – это не беда”. Когда однажды К.С. Аксаков посетил А.С. Норова во время его пребывания в Москве, то последний с особенным чувством радости сказал мне: “Я видел Аксакова. Я ожидал найти в нем если не тигра, то медведя; а он очень вежлив и даже, кажется, благодушен”» [11, 63]. Прочитанный фрагмент важен, среди прочего, и тем, что демонстрирует один из результатов, достигнутых славянофильским изданием – возможность высказаться перед публикой позволило славянофилам изменить к ним отношение части правительства. Если до этого основным источником информации о славянофилах были агентурные донесения и отчеты тайной полиции, то теперь, услышав собственные суждения славянофилов, правительственные круги смогли по-новому оценить данное направление и в некоторых случаях увидеть в нем потенциального союзника, а славянофилы получили возможность в последующие годы оказывать в некоторой степени воздействие на правительственную политику, обретя голос, к которому следовало прислушиваться.

Примечания

1. Пирожкова, Т.Ф. Славянофильская журналистика: [монография] / Т.Ф. Пирожкова. – М.: Изд-во МГУ, 1997. – 222 с.
2. Лемке, М.К. Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия / М.К. Лемке. – СПб.: Книгоиздательство М.В. Пирожкова, 1904. – XIII+427 с.
3. Хомяков, А.С. Полное собрание сочинений. [В 8 т.] Т. VIII: Письма / А.С. Хомяков – М.: Университетская типография, 1900. – 480+58 с.
4. Барсуков, Н.П. Жизнь и труды М.П. Погодина. Кн. XIV / Н.П. Барсуков. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1900. – XII+641 с.
5. Два письма А.С. Хомякова к министру народного просвещения А.С. Норову // Русский Ахив. 1894. Кн. 1. – С. 223 – 224.
6. Цимбаев, Н.И. Славянофильство (из истории русской общественно-политической мысли XIX века). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1986. – 274 с.
7. Имеются в виду распространившиеся к этому времени рукописные статьи и записки, наибольшую известность из которых приобрели погодинские. А.И. Кошелев в 1855 г. также активно пытался распространять собственные записки.
8. Аксаков, И.С. Иван Сергеевич Аксаков в его письмах. Исследование украинских ярмарок. Ополчение. Путешествия за границу. Том третий и последний. Письма 1851 – 1860 годов. – М.: Типография М.Г. Волчанинова, 1892. – XXIV+512+166 с.
9. Показательно для характеристики взглядов А.И. Кошелева, а отчасти и других славянофилов, опущение в уваровской формуле среднего члена, поскольку его понимание явно различалось с официальным и разделяемым М.Н. Погодиным.
10. Первоначально Катков планировал назвать журнал «Русский Летописец», название «Русский Вестник» было предложено после отказа в дозволении выпускать еженедельное приложение с сообщением политических новостей; первоначальный вариант заглавия будет обыгран в дальнейшем, в выпускаемой в виде приложения «Современной Летописи», редактируемой П.М. Леонтьевым.

11. Кошелев, А.И. Записки Александра Ивановича Кошелева (1812 – 1883 годы). С семью приложениями / Издание подготовила Т.Ф. Пирожкова. – М.: Наука, 2002. – 475 с.
12. Хомяков сомневался в готовности Назимова содействовать ходатайству славянофилов и писал Кошелеву: «Назимов еще ничего не сделал и вероятно ничего не сделает, но по крайней мере очень мил. Говорит, что непременно исполнит мое поручение (не называет прошением), но я ему не верю» [3, 144].
13. Вероятно, В.И. Назимов был плохо знаком с биографией своего адресата – в противном случае он вряд ли бы включил в перечень из трех лиц двоих, с которыми у Вяземского были серьезные столкновения, а один из которых (Полевой) выступал для князя символом едва ли не всего неприличного и непристойного в журналистике (после недолгого периода первоначального сотрудничества) [См., напр.: Вяземский, П.А. Старая записная книжка / Составление, статья и комментарий Л.Я. Гинзбург. – М.: Захаров, 2000. С. 298 – 299].
14. Соболев, Л. Из переписки П.А. Вяземского и П.И. Бартенева // И время и место: Историко-филологический сборник к шестидесятилетию Александра Львовича Осповата. – М.: Новое издательство, 2008. – С. 386 – 395.
15. Н.П. Барусуков датирует второе обращение Назимова 5 декабря [4, 328], однако это вызывает сомнение, поскольку московский попечитель говорит о деле как еще не решенном – и мотивирует свое вторичное послание дошедшими до него частным порядком слухами [см.: 4, 328]; можно предположить, что обращение к Норову относится к началу ноября. Такое предположение тем более вероятно, что Норов отправляет бумагу начальнику III Отделения графу А.Ф. Орлову, запрашивая о возможности разрешения славянофилам издавать журнал, 6 декабря [4, 337] – если допустить, что обращение Назимова относится к ноябрю месяца, то оно могло бы быть одним из оснований для изменения позиции Норова по журналу (учитывая рост влияния Назимова, в декабре назначенного виленским генерал-губернатором). Разумеется, решить вопрос окончательно невозможно без обращения к архивному подлиннику.
16. «Не получая до сего времени уведомления о последствиях моего ходатайства и между тем, известясь, частным путем, что предположение об издании журнала “Русская Беседа” встретило будто бы препятствие в Главном Правлении Цензуры, я считаю долгом моим представить вашему превосходительству некоторые необходимые, по этому вопросу, объяснения и вместе с тем высказать вам мои убеждения касательно этого, в настоящее время, немаловажного предмета.

Вашему превосходительству не безызвестно, что в последнее время публичная литературная деятельность, вследствие крайне стеснительных мер Цензуры, у нас заметно ослабела. Стеснение мысли и умственного развития неизбежно должно было иметь вредные последствия, как для успехов отечественного Просвещения, так и вообще для нравственного состояния Русского общества. Наша публика, уже достигшая известной степени образования, не находя для себя умственной пищи в скудных произведениях отечественного слова, по необходимости должна была обратиться к источникам иностранным, не всегда безукоризненным, и в них почерпать все свои насущные сведения.

Между тем, Русская мысль и Русское слово, при всех запретительных мерах, не могли однако же совершенно остановиться в своем развитии; не имея возможности высказываться гласным образом, они искали себе исхода на другом более безопасном пути и вследствие этого приняли странное и совершенно неестественное направление. Вместо печатной гласной Литературы образовалась Литература безгласная, письменная. В руках читающей публики появились, во множестве списков, разные сочинения по всем современным вопросам наук и словесности и между ними, разумеется, нашли себе путь и рукописи содержания несовершенно одобрительного. Но что всего приискорбнее: невозможность, в которую были поставлены наши писатели и вообще образованные люди, печатно высказывать свои мысли, – была, можно сказать, одною из

главных причин того неудовольствия и того ропота, которые с некоторого времени обнаружались в нашем обществе. Ваше превосходительство конечно изволите согласиться со мною, что такое неестественное положение представляет явление крайне неутешительное и что, наконец, следует подумать, как бы изменить его к лучшему. Все стеснительные, по части Народного Просвещения, меры вызваны были, как мне кажется, излишним опасением революционных идей, волнующих умы в Западной Европе. Пора наконец убедиться, что эти идеи, как совершенно нам чуждые и противоположные коренным началам Русской жизни, не могут иметь действия на большинство нашего общества. Впрочем, Русское правительство так сильно, что оно всегда может с успехом противодействовать вторжению вредных и ложных начал, не препятствуя через то правильному и неизбежному ходу Просвещения. И Русскому ли правительству страшится истинного Просвещения? Оно само было воспитателем, образователем своего народа; оно было первым двигателем его на пути умственного и гражданского развития. Желательно для славы и благоденствия России, чтобы и на будущее время оно продолжало действовать в том же духе.

Если изложенные мною мысли справедливы, то справедлива и та мысль, что в настоящее время необходимо дать большой простор и движение нашей умственной жизни, для чего следует поощрять наших писателей и наши таланты, обращая их от вредного бездействия, в котором они коснеют, раздражаясь только в бесплодных севотованиях, – к трудам полезным и возвышенным. Само собою разумеется, что одною из первых мер для достижения этой цели – должно быть смягчение цензурных правил, доведенных в последнее время до такой степени строгой придирчивости, при которой уже невозможна никакая Литература. Не входя в подробности по этому вопросу, я скажу только, что для выхода из этого запутанного положения, в которое поставлена наша Цензура, необходимо вернуться к коренному уставу 1828 года, отменив все последующие дополнительные постановления, ничего существенно не дополняющие и только затрудняющие прямые действия благоразумной Цензуры.

Я уверен, что ваше превосходительство изволите разделять мои мысли по этому предмету. Лучшим тому доказательством служит исходотайствованное вами высочайшее дозволение г. Каткову издавать с начала будущего года учено-литературный и политический журнал. Этот знак монаршего внимания и доверия к нашим писателям, обрадовал всех любящих успехи Русского Просвещения. В настоящее время в Москве почти не существовало ни одного замечательного периодического издания; между тем, здесь возник и образовался первый Русский журнал, здесь на этом поприще когда-то действовали благороднейшие представители Русской мысли и Русского слова: Карамзин, Жуковский и другие.

Но если признано полезным, в видах возбуждения нашей усыпленной Литературы, дозволить издание журнала г. Каткова с товарищами, то я не вижу причины почему не представить того же права гг. Кошелеву и Филиппову, тем более, что сии последние, не менее г. Каткова, представляют ручательств относительно своих нравственных качеств. Или полагают, что новый журнал будет излишнею и даже вредною роскошью и что для Московской публики достаточно одного периодического издания? Но почему же в тридцатых годах в Москве одновременно издавалось несколько журналов: “Телеграф”, “Московский Вестник”, “Вестник Европы”, “Атеней”? Все они имели читателей и однако же вреда для общества от того не происходило? Неужели с тех пор вкус к чтению и потребность образования у нас уменьшились? Или этим правом могут безопасно пользоваться одни Петербургские литераторы? Я полагаю, что в настоящее время, без всякого неудобства можно разрешать издание новых журналов. Пусть наши литераторы трудятся, пусть высказывают свои мысли, тем легче будет для правительства следить за ходом общественного мнения и, в случае нужды, направлять его. Если же предприятие гг. Кошелева и Филиппова принято неблагоприятным образом, по той будто бы причине, что журнал этот предназначен служить органом для так на-

зываемой Славянской партии, то я, при сем случае считаю необходимым и удобным сообщить вашему превосходительству мои мысли по этому предмету, основанные на двенадцатилетнем строгом наблюдении моем за действиями этой партии, или, выражаясь точнее, литературного кружка. Пора наконец отдать себе отчет, что такое эти Славянофилы, которых постоянно представляют людьми опасными и вредными? В чем же заключается их цель и действия? Кто принадлежит к этой партии?

Лет двадцать тому назад, вследствие естественного развития образования, а также и ближайшего знакомства с собственною Историею, возникло и укрепилось между различными Славянскими народами, населяющими Европу, сознание своей национальности и одноплеменности. Это сознание выработалось на почве чисто литературной и хотя в начале и не имело политического значения, однако же вследствие постоянного антагонизма между элементами Славянским и Немецким, перешло и в область политических убеждений. На нас, Русских, Славянский вопрос подействовал только со стороны литературной. Но мы не могли однако же остаться равнодушными к пробуждению Славянской национальности, столь долгое время подавленной и потому наши литераторы и мыслящие люди отзывались сочувствием к своим соплеменникам. Образовался литературный обмен мыслей между нами и различными Славянскими народностями. Все эти сношения, опять повторяю, производились вне области политики, — в кругу литературных интересов. Наше правительство, не желая возбуждать неудовольствия дружественной соседней державы, не только чуждалось Славянского движения, но еще не совсем благоприятно смотрело на людей, увлекавшихся этим. Между тем, Западные народы, привыкшие господствовать и считать себя непогрешимыми и первенствующими, как в области мысли, так и в области жизни, неприязненно встретили эти стремления меньших своих братьев к самостоятельности умственной и политической. Западные публицисты сочинили слово *панславизм*, под которым разумели ими же придуманное стремление Славянских племен к политическому слиянию, провозглашая при каждом удобном случае, что Россия будто бы покровительствует этому стремлению, в видах собственных интересов.

Вследствие этого усилился антагонизм между этими народностями. Антагонизм этот еще более возбудил в народах Славянских любовь ко всему родному и страсть к историческим исследованиям и разработке Славянских Древностей. Это весьма естественное движение отразилось и на нас. — Мы в это время из периода подражательного переходили в пору зрелого возраста и сознания. Отрезвившись после упоения иноземными образцами, весьма понятного во всякой юной Литературе, мы обращались к изучению отечественной Старины и Истории. На этом благородном пути наших ученых и литераторов встретило одобрение и поощрение правительства. Лучшим памятником этого покровительства служит учреждение Археографической Комиссии и издание разных актов исторического и юридического содержания и Древностей Государства Российского. В Москве, как в городе, где сохранилось наиболее памятников прежней Русской жизни, образовался кружок молодых литераторов, страстно предавшихся изучению отечественной Старины и Истории. Между ними нашлось несколько пылких умов, которые увлекшись своим пристрастием к Старине, дошли до крайне одностороннего убеждения, что реформа Петра Великого имела во многом вредные для России последствия. Эти-то люди названы были *Славянофилами*. Такое крайнее воззрение встретило, разумеется, возражение и противодействие со стороны литераторов, державшихся так называемого направления Западного. Завязались литературная полемика и спор, не между партиями, а между двумя различными мнениями. Этот спор заключался в пределах чисто литературных — и был совершенно чужд политического значения. К сожалению, нашлись люди, которые заподозрили так называемых Славянофилов в каких-то политических замыслах и признали их людьми опасными и вредными, чем-то вроде якобинцев, тогда как это люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помещики, вовсе непомышляющие о нарушении законного порядка

вещей. Можно отвергать крайние выводы их мнения, но нельзя вполне осуждать самое направление, потому что оно основано на чистой любви ко всему отечественному, к уставам нашей Церкви, к народным нашим обычаям, к нашему родному языку и вместе с тем на сочувствии к единоплеменным и единоверным народам. Люди, разделяющие этот образ мыслей, даже и в его исключительности, отличаются благородными нравственными свойствами и не заслуживают того нареkania, которому они, по недоразумению, подверглись со стороны правительства. Если же обвинять всех любящих Славянскую Старину и Историю, то пожалуй можно назвать славянофилами и лучших наших писателей. Карамзин, Пушкин, Грибоедов, Гоголь, – любили обращаться мыслию к Древней России и в ней искать примеров для нынешнего поколения; однако же никто из благонамеренных и просвещенных людей не почитал их опасными и вредными писателями. Замечательно, что между так называемыми Московскими Славянофилами есть люди с истинным талантом. Приведу имена Хомякова, Аксаковых, Киреевского. Ваше превосходительство имеете, в настоящее время, полную возможность обратить их в полезных и приверженных правительству деятелей. Вот что заставляет меня вторично ходатайствовать об испрошении высочайшего дозволения гг. Кошелеву и Филиппову издавать в Москве журнал и вместе с тем просить разрешения тем из Московских литераторов, которые обязаны подпискою представлять свои сочинения в Главное Управление Цензуры, вносить их прямо в местную Цензуру. Если бы в предполагаемом журнале и нашли себе место мнения любителей Славянства, – то это послужило бы для самого правительства средством ближе ознакомиться с их взглядами. Оно всегда имеет возможность обуздать заблуждение и своеволие мыслей, где бы оно ни обнаружилось» [4, 328 – 334].

17. Хомяков имеет в виду прошение от 14 мая 1855 г., на которое последовал отказ в определении главного управления цензуры от 17 июня 1855 г.
18. В это время Александр II находился в Николаеве.
19. С графиней А.Д. Блудовой Хомяков поддерживал легкую, претендующую на остроумие переписку с 1848 года – и которая будет играть значительную роль в славянофильском движении, обеспечивая связи при дворе и защищая в сложных ситуациях вплоть до 80-х годов.
20. А.Ф. Тютчева, в этот момент фрейлина императрицы, записала в дневнике 13 января: ««Сегодня утром я видела у Антонины Блудовой Хомякова, одного из наших лучших поэтов и литераторов. Он очень шокирует *хорошее общество* тем, что носит бороду и одевается по-мужицки. Лица, участвующие в правительстве, называют его красным, революционером и считают с его стороны большой смелостью иметь больше ума и национального чувства, чем они. Между тем я слышала, как этот революционер говорил: “Теперь не время рассуждать и ворчать. Россия унижена, мы несчастны, государь еще более несчастен, чем мы; теперь мы должны объединиться вокруг него, дать ему почувствовать, что он и народ не могут иметь различных интересов и что если Россия была принуждена заключить позорный мир, она должна, по крайней мере, объединить все свои усилия, чтобы искоренить злоупотребления и залечить внутренние раны, которые привели ее к этому”. Это маленький человек с очень некрасивым, но чрезвычайно умным лицом, с живым и сверкающим взором, с веселым и добродушным выражением лица; с неиссякаемым источником остроумных шуток и анекдотов, сопровождающий свои рассказы самым искренним, самым заразительным смехом, схватывающий во всем смешную сторону и умеющий придать юмористический оттенок самым серьезным предметам, о которых говорит, и говорит изумительно хорошо. Сегодня, по просьбе Антонины, он расстался со своим славянским костюмом и явился в безукоризненном фраке, на нем было прекрасное чистое белье, борода и волосы его были тщательно расчесаны; в этом виде он даже походил на французика. Я это заметила ему; он рассмеялся и ответил: “Я не надевал своего фрака в день, когда появился циркуляр о мире, хотя он был готов; могли бы сказать, что и меня тоже сдали вместе с

Россией”» [Тютчева, А.Ф. Воспоминания. При дворе двух императоров / А.Ф. Тютчева; [сост., вступ. ст., пер. с фр. Л.В. Гладковой]. – М.: Захаров, 2008. С. 332 – 333].

21. П.И. Бартнев имеет в виду язык, на котором издавалась газета; редакция “Le Nord” располагалась в Брюсселе.
22. Странность адресата объясняется тем, что Назимов, прежний попечитель, был назначен виленским генерал-губернатором, а с назначением нового попечителя вышла задержка.
23. Письма М.П. Погодина, С.П. Шевырева и М.А. Максимовича к П.А. Вяземскому 1825 – 1874 годов. – СПб.: Типография М.М. Стасюлевича, 1901. – 224 с.